Совет прекратил статус адвоката за умышленные и грубые нарушения, сопряженные с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности, обман и предательство интересов доверителя

Совет прекратил статус адвоката за умышленные и грубые нарушения, сопряженные с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности, обман и предательство интересов доверителя.

Совет Адвокатской палаты города Москвы …, рассмотрев с участием адвоката Ш., заявителя И. в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш., возбужденное по жалобе И. от 17 ноября 2018 г. (вх. № … от 20.11.2018),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г., адвокатом Ш. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что она:

(1) в период с 30 декабря 2017 по 06 марта 2018 года не обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом и с целью сокрытия указанного бездействия в декабре 2017 – феврале 2018 года сообщала И. недостоверные сведения о якобы поданном в арбитражный суд заявлении, а также направила последней сфальсифицированную копию определения, якобы вынесенного Арбитражным судом города Москвы 17 января 2018 года по делу № …;

(2) направив в Арбитражный суд города Москвы 06 марта и 20 апреля 2018 года заявления о признании И. банкротом, не приложила к указанным заявлениям и не предоставила в Арбитражный суд города Москвы впоследствии, в установленные судом сроки, документы, требуемые в соответствии со ст.ст. 37, 213.4. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что повлекло возврат заявлений заявителю.

Адвокат Ш. в заседании Совета с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной Комиссии, частично не согласилась, в обоснование несогласия указала следующее: (а) сроки подачи в Арбитражный суд города Москвы заявления о банкротстве И. она умышленно не затягивала и объясняет длительную неподачу заявления в суд просьбами заявительницы; (б) определения Арбитражного суда города Москвы об оставлении поданных заявлений о банкротстве И. считает незаконными и необоснованными и сожалеет о том, что их не обжаловала; (в) полагает, что ее действия не ухудшили положения заявительницы, поскольку у нее есть возможность повторно обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, и все документы для этого у заявительницы имеются. Адвокат Ш. просила Совет учесть, что она молодой адвокат и не имела достаточного опыта в ведении дел о несостоятельности (банкротстве), в связи с чем просила Совет строго ее не наказывать. На вопрос членов Совета, откуда у нее появилось сфальсифицированное Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 г., которое было предоставлено в материалы дисциплинарного производство заявителем И., адвокат Ш. сообщила, что она не может пояснить, откуда этот документ взялся.

Заявитель И. в заседании Совета с выводами, изложенными в Заключении Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г., согласилась в полном объеме, дополнительно сообщила Совету следующее: (а) адвоката Ш. ей порекомендовали как опытного адвоката в делах о банкротстве; (б) с заявлением адвоката Ш. о том, что положение заявительницы не ухудшилось, и у нее имеются все документы для подачи в арбитражный суд заявления о собственном банкротстве, не согласна, поскольку у адвоката Ш. были полномочия на сбор всех необходимых документов для предъявления в суд соответствующего заявления, в том числе, полномочия по сбору выписок из Росреестра, однако выписки из Росреестра у И. отсутствуют и адвокатом ей не передавались; (в) адвокат Ш. обещала вернуть 25 000 рублей, внесённые ею за счет заявительницы в депозит Арбитражного суда города Москвы в счет оплаты вознаграждения арбитражному управляющему, однако никаких действий в связи с этим обещанием не выполнила, а деньги так и «висят» на депозите суда, как оплаченные Ш., при этом сама И. не имеет возможности их вернуть. На вопрос членов Совета, откуда у нее появилось сфальсифицированное Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 г., которое было ею предоставлено в материалы дисциплинарного производства, заявитель И. сообщила, что указанное Определение было прислано ей адвокатом Ш. с помощью мессенджера

«WhatsApp». Заявитель И. просила Совет применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, поскольку считает, что адвокат Ш. своими действиями позорит адвокатуру.

Совет, рассмотрев дисциплинарное дело, выслушав его участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 29 октября 2017 года между И. и адвокатом Ш. было заключено Соглашение № … об оказании юридической помощи, содержащее поручение адвокату Ш. осуществить сбор документов для подачи в арбитражный суд заявления о признании И. банкротом, составление заявления о признании банкротом и представление И. в заседаниях арбитражного суда. Вознаграждение адвоката Ш. было предусмотрено в Соглашении об оказании юридической помощи в размере 60.000 рублей. Указанная сумма была уплачена И. частично несколькими платежами: 29 октября 2017 года в размере 20.000 рублей, что подтверждается квитанцией; 02 декабря 2017 года в размере 15.000 рублей, что подтверждается распиской адвоката Ш. Несмотря на то, что ее вознаграждение было уплачено не полностью, к исполнению поручения доверителя И. адвокат Ш. приступила: собирала документы, готовила и подавала в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании И. банкротом, неоднократно подтверждала свои обязанности по исполнению Соглашения в приобщенной к материалам дисциплинарного производства переписке с И. в мессенджере “WhatsApp”. Таким образом, довод И. о достижении между нею и адвокатом Ш. устного соглашения о рассрочке исполнения обязательств по уплате вознаграждения, что не освобождало адвоката Ш. от исполнения принятого в соответствии с Соглашением поручения, подтверждается материалами дисциплинарного производства. В соответствии с доверенностью, выданной И. 28 октября 2017 года на имя Ш. и иных лиц, удостоверенной нотариусом города Москвы ИЗ., Ш. получила, в том числе, полномочия представлять И. в органах государственной власти и местного самоуправления, а также в различных организациях по вопросу сбора справок, а также вести от имени И. дела в арбитражном суде, связанные с банкротством, с правом подписания заявления о признании И. банкротом и представления доверителя в заседаниях арбитражного суда. То есть, начиная с 28 октября 2017 года, адвокат Ш. располагала полномочиями для получения от государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций документов, которые необходимо было представить в Арбитражный суд города Москвы вместе с заявлением о признании И. банкротом. Электронным письмом от 12 декабря 2017 года И. направила адвокату Ш. копию справки о доходах физического лица, письмом от 18 декабря 2017 года – копию трудового договора, письмом от 28 декабря 2017 года – свидетельство о регистрации по месту пребывания и страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования. В силу положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) к заявлению о признании гражданина банкротом также прикладываются документы, подтверждающие уплату государственной пошлины и внесение на депозитный счет арбитражного суда денежных

средств для уплаты вознаграждения арбитражному управляющему. Соответствующие средства в размере 300 рублей (государственная пошлина) и 25.000 рублей (вознаграждение арбитражному управляющему) были перечислены И. на счет адвоката Ш., привязанный к банковской карточке, 28 декабря 2017 года. Таким образом, начиная с 29 октября 2017 года у адвоката Ш. имелись процессуальные полномочия, а начиная с 29 декабря 2017 года – предоставленные заявителем И. документы и денежные средства для обращения в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. 06 марта 2018 года адвокат Ш. первый раз обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. Заявление, поданное в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года, в связи с непредоставлением требуемых по законодательству о банкротстве документов было определением суда от 16 марта 2018 года по делу № … оставлено без движения, срок для предоставления документов установлен до 16 апреля 2018 года. В связи с тем, что и в этот срок необходимые документы не были предоставлены, определением суда от 23 июля 2018 года заявление было возвращено заявителю. Второе заявление о признании И. банкротом было подано адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года. Из определений Арбитражного суда города Москвы 27 апреля и от 23 июля 2018 года, вынесенных по делу № … следует, что заявление о признании И. банкротом, поданное адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года, было первоначально оставлено без движения на срок до 28 мая 2018 года, этот срок был продлен судом до 06 июля 2018 года, а впоследствии - также возвращено заявителю по причине непредставления ряда документов в нарушение п. 1 ст. 37, ст. 213.4. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката Ш. применительно к обвинениям И. в несвоевременном оказании юридической помощи, Совет учёл следующие обстоятельства. Как указано выше, начиная с 29 октября 2017 года у адвоката Ш. имелись процессуальные полномочия, а начиная с 29 декабря 2017 года – предоставленные заявителем И. документы и денежные средства для обращения в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом. Имеющейся в материалах дисциплинарного производства перепиской между заявителем И. и адвокатом Ш. в мессенджере “WhatsApp” установлено, что адвокат Ш. в сообщениях от 13, 21 ноября, 6 декабря 2017 года сообщала И., что занимается сбором документов в отношении кредиторской задолженности И. перед банками, микрофинансовой организацией, получением документов в ГИБДД, Росреестре, налоговой инспекции. Какие-либо сообщения, запросы от адвоката Ш. заявителю И. о предоставлении недостающих документов отсутствуют. Адвокат Ш. при рассмотрении дисциплинарного производства каких-либо доказательств, подтверждающих, что непредставление в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании И. банкротом в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года было обусловлено неоказанием ей содействия со стороны И. либо какими-либо объективными причинами, не представила. П. 1 ст. 44 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что непредставление требующихся по закону документов является основанием для оставления заявления о

признании гражданина банкротом без движения. При последующем представлении недостающих документов заявление судом принимается. Таким образом, подача заявления без требующихся по закону документов, в случае их последующего представления, прав и интереса доверителя в скорейшем осуществлении судопроизводства по его заявлению не нарушает, а иногда является наиболее эффективной формой оказания юридической помощи, учитывая разные сроки, необходимые для получения документов. В этой связи, учитывая легальную процессуальную возможность последующего представления документов, после оставления ранее поданного заявления без движения, у адвоката Ш. не было причин, обосновывающих непредставление заявления о признании И. банкротом в арбитражный суд в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года. Довод адвоката Ш. о том, что ею было согласовано с И. направление в арбитражный суд заявления «после новогодних праздников, то есть в феврале – марте», Советом признается необоснованным, так как документально он ничем не подтвержден. Заявитель И. такую договоренность отрицает. Более того, как следует из приобщенной к материалам дисциплинарного производства переписки в мессенджере “WhatsApp”, И., начиная с декабря 2017 года, настаивала на скорейшей подготовке и подачу в арбитражный суд заявления о банкротстве.
В связи с изложенным, Совет в полном объеме соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что непредставление адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы заявление о признании И. банкротом в период с 30 декабря 2017 года по 05 марта 2018 года является нарушением предусмотренных в пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей и ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем И.

Совет отдельно обращает внимание на следующее обстоятельство. Из переписки в мессенджере “WhatsApp” между заявителем И. и адвокатом Ш., приобщенной к материалам дисциплинарного производства, идентичность которой с перепиской, содержащейся в смартфоне И., проверена Квалификационной комиссией, следует, что адвокат Ш. неоднократно, начиная с 30 декабря 2017 года, сообщала заявителю И. ложную информацию о якобы поданном ею в арбитражный суд в интересах И. заявлении о признании банкротом. А именно, в сообщении 30 декабря 2017 года адвокат Ш. написала: «…Иск я не подала, поскольку суд не принимал заявления, а в четверг до 13-00 принимал. Я направила заявление почтой. После праздников назначат судебное заседание…». В сообщении от 19 февраля 2018 года, в ответ на вопрос И. об исполнении ее поручения, адвокат Ш. указала: «Иск был подан, но его вернули, заново переподаю…». В ответ на содержащуюся в сообщении от 21 февраля 2018 года просьбу И. прислать «подтверждение возврата иска, это определение суда…» адвокат Ш. в сообщении от 27 февраля 2018 года, прикладывая скан-копию документа, указала: «это определение, которое прислали по почте в начале февраля на мой адрес регистрации. Соответственно, сроки упущены и заявление

было возвращено» и далее «извините, что так долго, искала фотографии определения на Гугл диске». В сообщении от 01 марта 2018 года адвокат Ш., комментируя текст ранее направленного И. определения, указывает «…фин. управляющий был указан в заявлении, но не указаны его инициалы (по закону не обязательно), в доверенности мы его не прописывали, это было не нужно; доверенность плохо читаема – не могу сказать почему, я прикладывала копию, скорее всего обездвижили формально, не успела исправить недостатки, поскольку узнала об этом поздно (определение было направлено мне домой по месту регистрации)…». В распечатке переписки, приобщенной к материалам дисциплинарного производства, текст документа, направленного адвокатом Ш. в адрес И. в сообщении от 27 февраля 2018 года, нечитаем. При рассмотрении материалов дисциплинарного производства в заседании Квалификационной комиссии обозреть содержание этого документа в смартфоне И. не представилось возможным по техническим причинам, связанным с состоянием смартфона И. на момент рассмотрения дисциплинарного производства. Вместе с тем И. предоставила текст документа, с ее слов, содержащегося в полученном от адвоката Ш. 27 февраля 2018 года сообщении, который был ею распечатан ранее. Это вынесенное судьей Арбитражного суда города Москвы К. 17 января 2018 года определение по делу № … об оставлении без движения поданного в Арбитражный суд города Москвы 11 января 2018 года заявления о признании И. банкротом по причине неуказания кандидатуры арбитражного управляющего (фамилия, имя, отчество, арбитражного управляющего, наименование и адрес саморегулируемой организации, членом которой он является), наименования и адреса саморегулируемой организации, из числа членов которой должен был быть утвержден конкурсный управляющий, а также в связи с тем, что приложенная к заявлению доверенность на имя подписавшей заявление Ш. предоставлена в нечитаемом виде и в установленном порядке не заверена.
В разделе «Картотека дел» официального портала Арбитражного суда города Москвы в сети «Интернет» по адресу <www.msk.arbitr.ru> информация о вынесении Арбитражным судом города Москвы указанного выше определения отсутствует. Из ответа Руководителя секретариата Председателя суда О. следует, что дело № … в производстве Арбитражного суд города Москвы отсутствует. Таким образом, определение, якобы вынесенное судьей Арбитражного суда города Москвы К. 17 января 2017 года по делу № … об оставлении поданного заявления о признании И. банкротом без движения, фактически не выносилось, его текст является фальсифицированным.

Адвокат Ш. при рассмотрении дисциплинарного производства настаивала, что она дважды обращалась в арбитражный суд с заявлениями о признании И. банкротом: 06 марта и 20 апреля 2018 года. Предоставление И. ложной информации относительно направления в Арбитражный суд города Москвы заявления в декабре 2017 года и результатах его рассмотрения в январе 2018 года, как и направление И. фальсифицированного определения, якобы вынесенного судьей К. 17 января 2018 года, адвокат Ш., отрицала. Вместе с тем, как-либо объяснить содержание своей переписки с И., где она 30 декабря 2017 года сообщала о направленном в Арбитражный суд города Москвы заявлении, а

впоследствии, 21, 27 февраля и 01 марта 2018 года сообщала об оставлении его без движения и возврате ровно по тем основаниям, которые указаны в тексте фальсифицированного определения, якобы вынесенного 17 января 2018 года судьей К., адвокат Ш. затруднилась. Никакого иного контекста или предмета обсуждения с И., в рамках которого адвокатом Ш. могли быть направлены изложенные выше сообщения, ею не представлено.

На основании изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, считает установленным то обстоятельство, что адвокат Ш. в целях сокрытия указанного выше ненадлежащего исполнения ею профессиональных обязанностей перед доверителем И. в период времени с 30 декабря 2017 года по 06 марта 2018 года сообщала последней заведомо недостоверные сведения относительно направления заявления о признании И. банкротом в Арбитражный суд города Москвы, результатах его рассмотрения судом, а также направила И. фальсифицированный текст определения Арбитражного суда города Москвы от 17 января 2018 года.

Давая оценку действиям адвоката Ш. применительно к дисциплинарным обвинениям в некачественном оказании юридической помощи, что выразилось в том, что подготовка адвокатом Ш. заявления о признании И. банкротом длилась чрезвычайно длительное время, а поданные адвокатом Ш. в интересах И. в Арбитражный суд города Москвы заявления о признании банкротом сначала были дважды оставлены без движения, а потом возвращены ввиду того, что к ним не были приложены документы, требуемые в соответствии с законодательством, Совет учёл следующие обстоятельства. Адвокат Ш. обращалась с заявлениями о признании И. банкротом дважды. Первое заявление, поданное в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года, в связи с непредставлением требуемых по законодательству о банкротстве документов было определением суда от 16 марта 2018 года оставлено без движения, срок для предоставления документов установлен до 16 апреля 2018 года. В связи с тем, что и в этот срок необходимые документы не были предоставлены, определением суда от 23 июля 2018 года заявление было возвращено заявителю. Отсутствие указанных в Определении Арбитражного суда города Москвы документов дополнительно подтверждается имеющимся в материалах дисциплинарного производства актом, составленным 06 марта 2018 года сотрудниками канцелярии Арбитражного суда города Москвы. Второе заявление о признании И. банкротом, поданное адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 20 апреля 2018 года, также в связи с отсутствием необходимых по законодательству документов определением суда от 27 апреля 2018 года было оставлено без движения, срок устранения недостатков был установлен до 28 мая 2018 года. На основании поданного адвокатом Ш. от имени И. ходатайства определением суда от 06 июня 2018 года срок на устранение недостатков заявления был продлен до 06 июля 2018 года. Впоследствии, в связи с тем, что отсутствующие документы так и не были представлены, определением суда от 23 июля 2018 года второе поданное адвокатом Ш. заявление было возвращено заявителю. Отсутствие перечисленных в определении суда документов на момент предъявления в Арбитражный суд города Москвы

заявления о признании И. банкротом 20 апреля 2018 года также подтверждается имеющейся в материалах дисциплинарного производства копией указанного заявления с отметкой Арбитражного суда города Москвы в принятии, на третьей странице которого содержится перечень приложений с проставленными сотрудником суда отметками об их наличии.

Совет, как и Квалификационная комиссия, критически относится к утверждению адвоката Ш. о том, что все необходимые документы ею были представлены в Арбитражный суд города Москвы, так как их непредставление подтверждается вынесенными судом определениями, которые адвокатом Ш. обжалованы не были, хотя соответствующие полномочия по доверенности, выданной И., у нее имелись. Часть из перечисленных в определении суда документов, а именно, документы, подтверждающие наличие задолженности, основания ее возникновения и неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, а также документы, подтверждающие наличие или отсутствие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя, сведения о состоянии индивидуального лицевого счета застрахованного лица, могли быть получены адвокатом Ш. на основании имеющейся у нее доверенности. Другая часть документов, включая копию страхового свидетельства, копию паспорта И., могли быть получены адвокатом Ш. от И. При этом, как подтверждается приобщенной к материалам дисциплинарного производства электронной перепиской, копия страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования № … была направлена И. адвокату Ш. по электронной почте 28 декабря 2017 года.

Отсутствуют какие-либо разумные объяснения непредставления адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы вместе с заявлением о признании И. банкротом 06 марта 2018 года списка кредиторов и должников, а также описи имущества должника, по форме, утвержденной регулирующим органом. Как следует из электронной переписки, проекты этих документов были подготовлены адвокатом Ш. еще в декабре 2017 года, и 28 декабря 2017 года они направлялись И. по электронной почте. Впоследствии указанные документы были предоставлены адвокатом Ш. в арбитражный суд вместе с заявлением от 20 апреля 2018 года. Кроме того, не существует разумных объяснений непредставления адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы, вместе с заявлением от 06 марта 2018 года, доказательств уплаты государственной пошлины, а также внесения на депозитный счет суда денежных средств на уплату вознаграждения финансовому управляющему. Как было установлено, соответствующие средства были перечислены И. адвокату Ш. 28 декабря 2017 года. Аналогичным образом отсутствовали какие-либо объективные препятствия для направления копии заявления от 06 марта 2018 года кредиторам. Однако ничего этого адвокатом Ш. сделано не было. Изложенные пороки заявления, поданного адвокатом Ш. в Арбитражный суд города Москвы 06 марта 2018 года, дают основания полагать, что уже при его предоставлении адвокат Ш. не рассчитывала на рассмотрение указанного заявления судом, а обратилась с указанным заявлением лишь с целью продемонстрировать заявителю И. совершение действий по исполнению принятого поручения.

Версия адвоката Ш. о том, что это сама И. просила ее не прикладывать к заявлению о признании банкротом от 06 марта 2018 года требуемые по закону документы, никакими доказательствами не подтверждена. И. данное обстоятельство отрицает.
Довод адвоката Ш. о том, что она не представила в арбитражный суд сведения о доходах И. в связи с их отсутствием, является необоснованным, так как И. выданной доверенностью наделила адвоката Ш. полномочиями на представление, в том числе, в налоговых органах. В сообщениях, направленных И. 15 июня 2018 года посредством мессенджера “WhatsApp”, адвокат Ш. указывала, что занимается получением справки из ФНС, и обещала прислать ее И.

Несмотря на неоднократные предложения Квалификационной комиссии, адвокат Ш. не представила какие-либо доказательства того, что она просила И. представить документы, из-за отсутствия которых заявления о признании банкротом были возвращены арбитражным судом, и разъясняла последствия их непредставления.

Изложенное бездействие адвоката Ш., которая не представила как вместе с заявлениями о признании И. банкротом, поданными в Арбитражный суд города Москвы 06 марта и 20 апреля 2018 года, так и впоследствии документы, предусмотренные ст. 37 и ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», вследствие чего поданные заявления были возвращены судом, является нарушением предусмотренных в пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанностей адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей и ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем И.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части указанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а её умышленную вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.
Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Ш. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и грубыми, сопряжены с неисполнением фундаментальных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, повлекли оставление доверителя И. без квалифицированной юридической помощи в течение продолжительного времени, что фактически означает предательство её интересов. Ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокатом Ш. повлекло для заявителя И. негативные последствия, а именно: в течение длительного времени заявление о банкротстве заявителя не было подано, И. лишена возможности вернуть внесённые адвокатом Ш. в депозит Арбитражного суда города Москвы денежные средства.

Совет также отмечает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Ш., выраженное в бездействии по заключенному с И. соглашению, было сопряжено с сокрытием указанного бездействия сообщением И. недостоверных сведений о якобы поданном в арбитражный суд заявлении, а также направлением ей фальсифицированной копии определения, якобы вынесенного Арбитражным судом города Москвы 17 января 2018 года по делу № …, что наносит вред авторитету адвокатуры и направлено к подрыву доверия к ней. Между тем, «Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре», а «Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката» (п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката). С учётом совокупности указанных обстоятельств Совет считает действия адвоката Ш. несовместимыми со статусом адвоката и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, как в наибольшей степени отвечающей требованию соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным ещё и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.
Определяя, в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, Совет, с учётом всей совокупности приведённых выше обстоятельств, а также с учётом того, что ранее адвокат Ш. к дисциплинарной ответственности не привлекалась, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", подп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18, подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, с установлением в отношении Ш. срока, по истечении которого она допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью 2 (два) года, за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнение адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что адвокат Ш.:

- в период с 30 декабря 2017 по 06 марта 2018 года не обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании И. банкротом и с целью сокрытия указанного

бездействия в декабре 2017 – феврале 2018 года сообщала И. недостоверные сведения о якобы поданном в арбитражный суд заявлении, а также направила последней фальсифицированную копию определения, якобы вынесенного Арбитражным судом города Москвы 17 января 2018 года по делу № …;

- направив в Арбитражный суд города Москвы 06 марта и 20 апреля 2018 года заявления о признании И. банкротом, не приложила к указанным заявлениям и не предоставила в Арбитражный суд города Москвы впоследствии, в установленные судом сроки, документы, требуемые в соответствии со ст. 37, 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что повлекло возврат заявлений заявителю.